

НАЦИСТСКАЯ ИМПЕРИЯ ПРОТИВ РУССКОГО НАРОДА. Фрагменты книги Виктора Сержа (В. Л. Кибальчича)*

Эта книга, написанная по-французски в июне–июле 1941 г., была опубликована малым тиражом на испанском языке издательством «Кецаль» в Мехико в сентябре 1941 г. под конъюнктурно искаженным названием «Гитлер против Сталина». Автор книги Виктор Львович Кибальчич, более известный по литературному псевдониму Виктор Серж, разглядел в том, что началось 22 июня 1941 г., не банальную дуэль двух диктаторов, а смертный бой русского народа с нацистской империей, пустившейся в свое самое рискованное, но единственно способное дать шанс на мировое господство предприятие. Возвращение оригинального названия книге даже через 70 лет носит принципиальный характер.

В. Л. Кибальчич (1890–1947), сын народовольцев-эмигрантов, сформировался как интеллектуально независимая личность с острым чувством социальной справедливости. Последовательно пережил в своей мировоззренческой эволюции этапы анархизма, большевизма, троцкизма. В Советскую Россию вернулся в январе 1919 г. Как и Троцкий, не принял сталинской «полночи века», познал тюрьмы и ссылку и вновь эмигрировал в 1936 г. Уже через год идейно порвал с Троцким и до конца жизни сохранял критический дух левого интеллектуала.

Журнал «Урал» открыл творчество Виктора Сержа русскому читателю¹ и неоднократно публиковал его произведения.²

Книга, фрагменты которой публикуются, создана на одном дыхании во время вынужденной остановки гонимого апатрида в Сьюдад Трухильо, столице Доминиканской Республики. «И вдруг в этом тяжелом тропическом небе слышится отголосок громового удара новой войны, самой страшной, решающей... — отметил В. Серж в своих мемуарах. — Работаю почти без документов...».

Копию рукописи с просьбой о переводе и издании на русском языке предоставил мне сын писателя, мексиканский художник Влади (Владимир Викторович Кибальчич), который только в 2002 г. стал почетным членом Российской академии художеств. После его смерти в 2005 г. архив Виктора Сержа, в том числе оригинал рукописи «Нацистская империя против русского народа», был передан Йельскому университету (США).

Читатель вряд ли обнаружит в публикуемых фрагментах рукописи какие-то новые факты событийной истории войны. Это памятник русской независимой общественно-политической мысли, источник по истории восприятия военных событий. Это голос оттуда...

Полный текст рукописи готовится к изданию.

В. Бабинцев

13. Тупик

Весной 1941 года нацистская империя стала хозяйкой всей Европы за исключением России. Но оказалась в тупике. Тот Запад, который попал под ее господство, беден природными ресурсами и перенаселен. Немецкие авторы считают, что Запад имеет на 50 млн жителей больше, чем может сам прокормить. У него нет ни нефти, ни каучука, ни чая, ни кофе. Чтобы есть досыта, он нуждается в канадском, аргентинском, австралийском, украинском зерне и мороженом мясе Ла Платы. Молочное производство Голландии и Дании импортирует канадский фураж. Стало быть, захват Австрии, Чехословакии, Польши, Дании, Норвегии, Нидерландов, Бельгии, Франции, Румынии, Болгарии, Югославии, Греции и абсолютное подчинение Испании, Венгрии и Италии не обеспечивают Третьему Рейху решения

¹ Серж В. Дело Тулаева // Урал. 1989. № 1, 2, 3.

² Он же. Полночь века // Урал. 1991. № 5; Он же. Свято-Варнавинский тупик // Урал. 1992. № 3; Он же. От революции к тоталитаризму: мемуары революционера // Урал. 1997. № 3, 4, 7, 8, 9, 10, 11, 12; Он же. Годы без пощады // Урал. 2002. № 6.

экономических вопросов. Во многих из этих стран свирепствует голод; везде зреет ненависть; производство и транспорт дезорганизованы. Что делать?

Военные цели нацистской империи можно определить как создание автаркии континентальной Европы под гегемонией Германии на обширной, обеспечивающей сырьем колониальной базе, при богатых источниках горючего (нефтепромыслов Румынии совершенно недостаточно). Как этого достигнуть?

Время работает не на нынешних победителей, поскольку неторопливо думающая и еще более неторопливо принимающая решения американская демократия на словах и на деле вступила в войну на стороне Великобритании. В современной войне индустрий, когда судьбу сражений решают моторы, немецкая индустрия уничтожила все препятствия, потому что была самой мощной в Европе. Теперь ей противостоит мощнейшая промышленность мира с ее баснословными богатствами, золотом, нефтью, электроэнергией, крупнейшим производством стали. В долгосрочном плане мощь американской индустрии невозможно преодолеть. Соединенные Штаты поняли, что германо-европейская автаркия, даже стабилизировавшись на несколько лет под прикрытием компромиссного мира, может готовить только новую войну, на сей раз войну континентов, ради завоевания единственного континента, еще дающего широкие возможности эксплуатации, — Южной Америки.

Ближайшая военная зима будет трудной для Германии. Победы ущербны прекращением торгового обмена, что в течение одного сезона компенсируется грабежом, но в дальнейшем становится невозможным. Сельскохозяйственных продуктов, которые Третий Рейх получал с Балкан в мирное время, не будет, во всяком случае пока не закончится достаточно долгий период восстановления народного хозяйства, кроме того, придется считаться с недоброжелательством местного населения.

Каковы возможные стратегические решения? На ум приходит три. Первое — вступление в войну и последующая оккупация Испании, штурм Гибралтара, овладение Марокко и Алжиром. Операция трудная поскольку Испания совершенно голодна, поскольку нужен флот, чтобы штурмовать Гибралтарский пролив, поскольку американцы, скорее всего, опередят немцев в Дакаре. В случае успеха Третий Рейх получит продукты и природные запасы Марокко и Алжира: хлеб, вино, масло, руды, но не горючее. Рискованное, дорогостоящее и малорезультативное предприятие.

Второе решение — бросок на длинную дистанцию против Суэца, Ирака, а затем Ирана. Неудачная кампания маршала Грациани и военная авантюра в Ираке (май 1941-го) показывают, что такое не исключалось. Исход Критской операции свидетельствует о том, что Босфор преодолим. Далее пришлось бы по прямой линии — через горы, пустыни, районы, укрепленные турками и британцами, — покрыть расстояние более 1200 километров до Мосула и Багдада. Проблемы снабжения армии возникали бы ежедневно. Без морского господства в Восточном Средиземноморье операции такого рода трудно завершить успехом. Разумеется, до зимы они не были бы закончены, так что в разгар зимы Рейх оказался бы втянутым в труднейшую войну.

Третье решение является, очевидно, лучшим — агрессия против России. Для этого нацистская империя располагает хорошими путями сообщения по всей Центральной и Придунайской Европе; даже на Украине она найдет развитую железнодорожную и шоссейную сеть. Одна Украина может дать в больших количествах продукты сельского хозяйства, железо, донецкий уголь (из которого можно извлекать синтетическое горючее). Победа здесь немедленно облегчила бы положение Германии и открыла ей путь к самым богатым в мире нефтяным месторождениям Азербайджана (Баку). Наконец, завоевание России есть способ и условие реализации самых широких замыслов.

Несомненно, нацистские вожди уже давно продумали это предприятие, единственное, по-видимому, способное дать Германии шанс выиграть войну, после того как вторжение на Британские острова оказалось почти невозможным и, в любом случае, недостаточным, поскольку Британская империя и Соединенные Штаты не прекратили бы борьбу даже после этого, причем с реальными шансами на успех. Русские никогда не упускали такую опасность из виду, никогда не прекращали приготовлений к войне. Война поставила перед неизбежностью.

14. Цели завоевания

В первые дни немецкого наступления американские журналисты писали, что Третий Рейх стремится всего лишь устранить нависшую над его левым флангом угрозу Красной Армии. Подобное простодушие вызывает недоумение... Красная Армия могла бы угрожать только сильно ослабленной и побежденной Германии, а весной 1941 г. это было далеко не так. Напротив, представляется очевидным, что нацистская империя выбрала момент наибольшего могущества для своего рискованного предприятия. Мы не сомневаемся в том, что это еще и критический момент. Не бывает абсолютного соответствия усиленной победами военной мощи и экономического положения, состояния резервов, материального истощения, о котором знают только эксперты. В стратегическом смысле час пробил: через год американская индустрия обеспечит британцам превосходство в воздухе и будет слишком поздно.

Нацисты пришли в Россию искать на грудах трупов, победу, которой их уже никто не сможет лишить. Их цель — завоевание «русского континента».

Война «против большевизма» дает им такую выгоду, как мобилизация всемирного реакционного духа. Хорватия объявила войну СССР! Испанские фалангисты формируют легион для отправки в Россию, Виши разрешает набор добровольцев на эту войну, ссылаясь на «международное право». Все это просто глупо и смехотворно. Более серьезно и показательны смятение официальных кругов Вашингтона в первые моменты. Герберт Гувер, предшественник Франклина Рузвельта в Белом Доме, отговаривает американцев сражаться «за Сталина», подчеркивая, что в случае победы нацистов «Соединенные Штаты без труда получили бы большую часть Британской империи» и могли бы приспособиться к управляемому Гитлером миру: «Это было бы неприятно, но осуществимо... Даже в Лондоне нашлось бы достаточно консерваторов, чтобы однажды решить, что мир в ущерб России и “большевизму” был бы не таким уж плохим делом». Мы сомневаемся, что таково мнение английского народа, поскольку если богатые семьи могут перебраться в Канаду, то большинство обитателей Ковентри могут только оставаться в Ковентри, а их отношение к «большевизму», быть может, не то же самое, что у лордов. Что бы там ни было, надо дожидаться, пока Гитлер однажды установит в Москве марионеточное правительство из отбросов старой эмиграции или из бывших сталинских чиновников и обратится к англо-американцам с такого рода словами: «Мы наводим порядок в старом мире. У вас есть выбор только между победительницей большевизма нацистской империей и долгой войной, в конце которой, если вы нас все-таки разобьете, Европа и Азия неизбежно осенят себя красными флагами!».

Завоевание «русского континента» привело бы нацистскую державу на берега Тихого океана, открыло бы ей путь в Центральную Азию и внутренний Китай, отдало бы в ее распоряжение огромные природные богатства, огромный внутренний рынок и 90 миллионов привыкших к низкой зарплате тружеников.

<...> СССР, несмотря на свои природные богатства и энергию населения, сулящие ему сравнимое с Соединенными Штатами будущее, несмотря на прогресс в области индустриализации, все еще остается бедной аграрной страной, с которой врагу нечего взять, кроме как через насилие и угнетение. *Нацистская империя ведет захватническую войну, чтобы навязать русскому народу режим колониальной эксплуатации.* Если бы ей удалось добиться своих целей, то через несколько лет она создала бы самую грозную экономическую и военную державу, какую только можно представить, простирающуюся на всю Европу, охватывающую берега Средиземного моря и половину Азии. Если не произойдет внутренней экономической и психологической трансформации — точнее, глубокой социальной революции, которую военная победа сделает невозможной, — она останется основанной на угнетении военной империей, вынужденной искать в создании новых вооружений и в новых войнах решение проблем мировой экономики.

25. Сорок три дня

В воскресенье 3 августа 1941 г. исполняется 43 дня нацистской агрессии против русского народа. Первую фазу войны на этот день можно считать завершенной с некоторыми резуль-

татами, быть может решающими, но не в данный момент, когда с минуты на минуту может произойти непредвиденное, а в гораздо более широком смысле. Цифра 43 весьма показательна. За 43 дня 1940 г. бронированные дивизии нацистской империи нанесли полное поражение Голландии, Бельгии, Франции и континентальной армии Великобритании. Самое время напомнить по этому поводу некоторые данные. Согласно официальным ежегодникам, нидерландские вооруженные силы насчитывали 660 000 чел., в том числе 500 000 — регулярная армия; ее генштаб годами налаживал оборонительную систему затоплений... Бельгийская армия насчитывала 812 000 чел., в том числе 600 000 кадровых военных; ее генштаб рассчитывал на теоретически неприступные укрепления Льежа и канала Альберта. Французская регулярная армия насчитывала 4 000 000 чел., а вместе с резервистами — около 5 500 000 чел. Нам не ведома численность задействованных на континенте британских дивизий, но и без них силы союзников, если верить официальным данным, численно превосходили силы Третьего Рейха: 6 950 000 чел. против 6 850 000 чел. В течение 20 лет Франция была самой сильной военной державой мира: она превосходила Третий Рейх богатством, пятнадцатью годами вооружения и сокрушительной победой 1918 г. При этом немецкой армии оказалось достаточно кампании в 43 дня, чтобы принудить британцев к мучительной Дюнкеркской эвакуации и выйти к Пиренеям. Не помешай тому политический расчет, она несколькими днями позже — время на дорогу — вошла бы в Марсель и Тулон.

Год спустя нацистская империя обратила грозный, до сих пор неотразимый таран своей военной машины против рабоче-крестьянской России, управляемой термидорианской бюрократией. Сторонние наблюдатели ожидали немедленного разгрома — это чувство ясно выразила американская пресса. 1. Нацистский блицкриг казался невиданным оружием, столь же новым и решающим, как некогда пушка, а немецкий престиж явно обескураживал. 2. В силу классового духа значительная часть общества в демократических странах даже в этих обстоятельствах была склонна желать, как и реакционная буржуазия, — или принимать — поражения «большевизма»: верующие — из ужаса перед безбожием и антирелигиозными гонениями, либералы — из ужаса перед тиранией. 3. Наконец, наблюдатели, знающие СССР, способные разглядеть последствия деяний «Организатора поражения», не могли предполагать, что русский народ после такого истребления руководства, при столь противной его нуждам и интересам внутренней организации сможет сражаться несопоставимо лучше, чем армии союзников; что, несмотря на сталинский деспотизм и транспортный коллапс, Ленинград и Москва окажутся защищены несравненно лучше, чем Париж. От ослепления зрелищем возмутительной тирании эти наблюдатели пришли к признанию силы и ценности русского народа, такого, каким его сделала революция, — терпящего бюрократический режим только потому, что режим этот, в его глазах, все еще стоит на позициях революции.

Эти 43 дня подводят черту. Они доказывают превосходство управляемой экономики (даже такой, какой в течение 10 лет была советская экономика!) над анархической и упадочной экономикой современного капитализма. Они доказывают превосходство революционного общества (даже оказавшегося в тисках внутренней контрреволюции) над традиционной демократией, **в сущности саботируемой силами реакции**. Они лишний раз доказывают, что бедные народы лучше защищают то, что имеют, чем обогатившиеся и ослабленные плохим использованием богатств народы. Эти 43 дня знаменуют поворот в мировой войне. Нацистская империя остановлена. Красная Армия, крестьяне и пролетарии России обрекли на поражение бронированные дивизии нацизма, который был надеждой реакционных сил всех стран. Это поняли в Вашингтоне, и не только. Даже если завтра или послезавтра три оказавшиеся под угрозой советские столицы — Ленинград, Москва и Киев, судьба которых, строго говоря, непредсказуема, — падут, значение этих 43 дней останется неизменным. СССР — не карточный домик. Нацистской империи придется очень дорого платить за каждую взятую позицию. Ее первый бросок сломлен, предъявлено доказательство, что повсюду, на тысячах километров она будет встречать ожесточенное сопротивление. В этих условиях полная победа нацистской империи над СССР, при всех ее стратегических успехах, становится, скорее всего, невозможной. Констатация этого меняет всю перспективу мировой войны.

Следует подчеркнуть, что этот великий результат был обеспечен русскими парнями, вставшими под косящим огнем всех мыслимых пулеметов в полях под Смоленском, Лугой и на Украине. Они укрепляют наше предвидение долгой войны и внутреннего оздоровления СССР, которое в глубине тяжелейших испытаний сразу превратит его в одну из главных моральных сил мира. Со всей серьезностью подчеркнем русский аспект. С русской точки зрения, эта фаза войны закончилась замедлением катастрофы. Потеряны и новая, и старая границы; потеряны и новые, и старые укрепления; потеряна вся Белоруссия; потеряны, разрушены или отданы во власть пушек старые русские города, такие как Псков, Витебск, Орша, Могилев, Смоленск, Киев... Несмотря на энергию русского народа, несмотря на армию, способную подняться после падения линии Сталина и всех подготовленных генштабом позиций, враг смог на шесть сотен километров, а местами и дальше, проникнуть на советскую территорию — в самые населенные районы, наиболее обеспеченные средствами коммуникации! Вторжение неприятеля ставит вопрос об ответственности верховного командования и правительства; последовавшее упорное сопротивление доказывает боеспособность армии и мощь страны. Разумеется, верховное командование ответственно меньше, чем правительство, поскольку оно было обезглавлено последним.

27. Социальные и политические факторы сопротивления

Первый, самый главный фактор сопротивления очевиден: никто в СССР не может не считаться с тем, что захватчик пришел устанавливать новое рабство, он не дает ничего, он пришел **брать**. Народ вынужден защищать свое будущее, свои природные богатства, плоды своего труда и саму жизнь. Мы были во Франции в начале войны и видели, с какой ловкостью Третий Рейх сумел распалить раздор по вопросу о Данциге. «Умирать за Данциг?» — вопрошал Марсель Деа. В действительности речь шла совершенно о другом, но другое было не так очевидно, и никто не горел желанием дать себя убить ради Данцига, ради польского коридора, ради целостности Польши, только-только принявшей участие в расчленении Чехословакии, а сверх того, почти тоталитарной. У среднего француза не было ощущения какой-то угрозы колониальному достоянию Франции, а если бы оно и было, он не стал бы рьяно сражаться за колонии, которые, с его точки зрения, нужны только богатым, он и без них обладал еще весьма достаточным благосостоянием. Рабочий класс сражался за демократические свободы, но чувствовал угрозу этим свободам как изнутри, так и на линии Мажино, понимая, что реакционеры не способны успешно воевать против Гитлера. Совершенно другой была ситуация в Великобритании в страшный месяц сентябрь 1940 г., когда зажженный бомбами Лондон ожидал вторжения. Очевидцы писали, что в тот момент если некоторые консервативные либеральные и политические деятели могли еще помышлять о сделке — капитуляции, то несущее бремя битвы население Лондона было против. У него зрело чувство, что оно сражается не за несправедно нажитые богатства, не за невыполнимые договоры, не за попорченные и выхолощенные идеи, но за жизнь и будущее.

Это сознательное и неосознанное согласие, одновременно инстинктивное и у многих болезненно обдуманное, а у некоторых в высокой степени осмысленное понимание великих общих интересов и есть то, что называют массовой моралью. В СССР она должна быть столь же высокой, как в Лондоне в решающие дни. Она должна обеспечить превосходство сопротивления над агрессией. У русского больше спонтанной инициативы и энергии, чем у немца, больше духа риска (при много меньшей организованности и дисциплине), он уже дважды побеждал немецкое вторжение в 1918 г. — партизанской войной, которая сделала Украину непригодной для пребывания оккупантов, и пропагандой революционного братания.

Но может ли Сталин мобилизовать эту огромную моральную силу, воззвать к ней, управлять ею? Следует повторить: мы не придаем **морали** никакого идеалистического или мистического значения; это психологическое состояние масс, и оно является, прежде всего, социальным. Оно подлежит трезвому анализу. Многие национальности пребывают в состоянии недовольства и брожения; крестьяне недовольны, полны недобрых и горьких воспоминаний; городской рабочий класс изнурен длительностью рабочего дня, более чем десятилетним недоеданием, угнетен драконовской регламентацией труда, лишен всякой свободы; интеллигенция городов, пользуясь привилегированным материальным положе-

нием, страдает от полицейского режима труда и постоянного насилия над ее традиционным духом (мы говорим так, поскольку долгое время были близко знакомы с ее представителями); низовая, плохо оплачиваемая и удрученная мелочным контролем бюрократия лучше, чем кто-либо, отдает себе отчет в нежизнеспособности режима; высшая, правящая бюрократия, обновленная смертельными «чистками», отягощенная ответственностью, не чувствует себя ни популярной, ни уверенной в завтрашнем дне и поставлена в немыслимо трудные условия работы. Политбюро не доверяет верховному командованию, множит угрозы, живет террором. В концлагерях — многие сотни тысяч или миллионы человек, не известно. Мы приходим к странному пониманию режима, который не может ни на кого рассчитывать и, тем не менее, доказывает свою устойчивость, жизнеспособность, несмотря на свой перманентный кризис.

Факторы его устойчивости бросаются в глаза. Прежде всего, он до сих пор проживает капитал революции, которая полностью изменила социальную структуру страны, господствующие идеи, право, социальные цели. Это создает ощущение растущего организма и заставляет воспринимать сегодняшние лишения как жертвы ради будущего. И это эффект не пропаганды, которая играет весьма второстепенную роль, но общего развития. Есть голод и нет свободы, но налицо вырастающие на голой земле новые заводы и «парки культуры», отсюда и вера в будущее.

Это напоминает социальный климат на Западе в начале XIX в. — времен великого индустриального подъема и строительства железных дорог. Растущая индустрия эксплуатировала всех, вплоть до детей моложе 12 лет, рабочий день не имел никаких ограничений, первые рабочие бунты сотрясали Францию, чартизм угрожал Англии революцией, но чувство подъема, дальнейшего прогресса преобладало над недовольством и не допускало никакого пессимизма. И либеральный оптимизм с его столь живыми иллюзиями, и оптимизм марксистский с его неизменным волюнтаризмом уходят корнями в эту эпоху.

32. Завтрашний день, Европа...

Нацистская империя пришла в Россию в поисках решения исхода мировой войны, решения, которого она не могла бы добиться с меньшими издержками где-нибудь еще, решения, которое невозможно отсрочить. В нынешней мировой схватке моторов и турбин верх, в конечном счете, должна одержать наиболее мощная индустрия, а германская таковой не является. Как сильнейший завод континентальной Европы Германия победила континентальную Европу. Теперь она поднялась против самых сильных в мире американских заводов; она столкнулась с молодыми советскими заводами — их строительство еще не завершено, они еще не окрепли, но ей придется испытать их грозную боеспособность. Она вынуждает богатые страны, в силу консервативности и удовлетворенности уклонявшиеся от битвы, отбросить всякий компромисс, поскольку угрожает всему тому, что они имеют, всему тому, в чем состоит их суть. Попытаемся набросать решения, которые кажутся возможными сегодня:

1. Частичная победа нацистской империи. Урезанная Россия принимает ее условия. Гитлер предлагает Англии и Соединенным Штатам компромиссный мир против большевизма, т. е. в ущерб расчлененному СССР, новый статус Европы при немецкой гегемонии, разоружение, восстановление мирового обмена, контролируемого с нацистской стороны путем введения монополии на внешнюю торговлю, сотрудничество в реконструкции и эксплуатации колоний, разного рода гарантии. «Мюнхен 41», по определению журнала «Тайм». Предположим, подобные условия приняты. Вселенское ликование реакционеров, чувство облегчения — ненадолго — у народов континента, непродолжительное возобновление деловых отношений с Европой, сопровождающееся экономической депрессией. Европейские заводы вновь запускаются под контролем победившей воинственной бюрократии. В самой Германии подневольный труд, безработица, бесконечные репрессии, интеллектуальная стагнация, подспудное вызревание революционных взрывов... На востоке — необходимость помешать возрождению России посредством увековечения состояния необъявленной войны. На западе — решение вопроса, какими могут быть экономические отношения с Америкой и Британской империей. Свободный обмен невозможен, даже независимо от проблемы

золота. Европейская работа за бесценок победила бы на всех мировых рынках работу американскую и британскую. Управляемый обмен, клиринг, бартер и таможенные барьеры? Порты континентов то открываются, то закрываются? Если только нацистскую империю не изменит революция, а военная победа делает это невозможным, она установит европейскую автаркию и будет готовиться к войне континентов за экономическое покорение Южной Америки, Африки, Индии...

Идя на компромиссный мир, нацистская империя могла бы, ради втягивания Турции и Ирана в свою систему, предложить им создание в Центральной Азии мусульманского государства под их влиянием.

2. Полная победа нацистской империи. Крушение русского сопротивления, быстрое расчленение советского организма, победа на Кавказе, поглощение Турции и Ирана, полонение Испании... Нацистская империя простирается от Марокко до Тихого океана, от Северного мыса до Персидского залива и границ Индии... Она становится ареной бесконечно мучительного и опасного социального эксперимента. Восемьдесят миллионов немцев, более половины которых полны сомнений, враждебны режиму и удерживаются в повиновении строгой дисциплиной, должны окормлять, наблюдать, принуждать к труду, управлять, сдерживать более 350 миллионов европейцев и азиатов, которым не могут сразу дать ни благополучия, ни свободы. Завоеванные страны разорены, разрушены; даже их природные богатства нельзя пустить в дело без вложений труда и капитала... Эксплуатация труда тоталитарным государством дополняется национальным и расовым угнетением. Повсюду назревают социальные взрывы... Могут подписываться мирные договоры, но мира, разумеется, не будет. Внутри, несомненно, воцарится «порядок», но, разумеется, не будет простого порядка, согласия, равновесия, умиротворения... Западное полушарие будет продолжать вооружаться и обороняться. В обеих Америках, независимо от того, будут они вовлечены в войну на Тихом океане или нет, к власти устремятся тоталитарные партии, воодушевляемые агентурой и примером Старого Света. Человечество вступит в фазу перманентной войны.

3. Поражение нацистской империи. Для нее соотношение сил стало во всех отношениях неблагоприятным после того, как Соединенные Штаты фактически встали на сторону Великобритании, и после того, как она напала на СССР. Численность населения, индустриальная мощь, природные ресурсы, сырье, продовольствие, горючее, численность вооруженных сил — во всех отношениях Третий Рейх уступает противостоящей ему коалиции. Заводы Канады и США недостижимы для его самолетов. Морские пути планеты в распоряжении его врагов. Стоит американцам постараться — и он потеряет воздушное превосходство в ближайшем будущем, если уже не потерял. Может, он рассчитывает на использование русской индустрии? Это не будет возможно еще достаточно долго. Пока он проводит в России военные операции, британская авиация утюжит промышленные центры Германии. Возможно, к высадке на континенте, во Франции или Испании, готовится армия с бронированными дивизиями, которые должны быть ничем не хуже дивизий фон Браухича, фон Листа, фон Кейтеля, но при этом являются свежими силами. Русская зима блокирует захватчика на оккупированной земле, в обреченных на немислимую нищету городах без хлеба и топлива, во враждебных деревнях. Пять месяцев подряд стойкость Великой нацистской армии с ее румынскими, венгерскими, испанскими, итальянскими союзниками будет подвергать суровому испытанию мороз, и это нельзя недооценивать. Если произойдет внутреннее оздоровление СССР, то Россия немедленно получит моральное и социальное превосходство. Усилится истощение нацистской системы. Можно ли долго требовать от народа с двойной моралью, народа, с которым обращаются так, как с немецким, подобных усилий, будь то в цехах или на полях сражений? С вторжением в Россию закончились легкие победы и безнаказанные боины, подобные роттердамской, ведь убийцы тоже платят; закончились завоевания, приносящие скорые плоды, и грядут неудачи; закончилась «добросовестная» борьба против неправедных, пресыщенных богатствами держав; пришел конец надежде на близкий мир, поскольку, в сущности, уже не понятно, где может закончиться война. Много причин для морального и материального истощения самого Третьего Рейха.